

УДК 821.112.2

**СИСТЕМА ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕИ СУДЬБЫ****Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ***(Полоцкий государственный университет)**k.lushnevskaia@psu.by*

Рассматривается эпос «Песнь о Нибелунгах» и система эпических персонажей сквозь призму идеи судьбы. Анализируется отношение к судьбе мужских и женских персонажей, таких как Зигфрид, Гунтер, Хаген, а также Кримхильда, Брюнхильда и Ута. Каждый из героев эпоса переживает судьбоносные события. Отношение к судьбе мужских и женских персонажей «Песни о Нибелунгах» различно. Отмечено, что в стремлении противостоять судьбе герои проходят сложный путь эволюции, однако изменить свою судьбу они не в силах. Персонажам эпоса суждено погибнуть, они заведомо знают о грядущей трагедии. Делается вывод, что, предназначение эпического героя «Песни о Нибелунгах» сводится к исполнению воли судьбы.

Ключевые слова: «Песнь о Нибелунгах», система эпических персонажей, идея судьбы, средневековое общество, предназначение, судьбоносные события, смерть героя.

Введение. К проблеме понимания идеи судьбы у германцев под различными ракурсами обращались С.С. Аверинцев [1], Н.А. Ганина [2], А.Я. Гуревич [3], В.И. Красиков [4], Т.А. Михайлова [5], Т.В. Топорова [6] и др. Исследования системы эпических персонажей в контексте идеи судьбы представлены единичными трудами: статьи «Витязь на распутье в пространстве и во времени: к проблеме выбора судьбы» (1994) Т.А. Михайловой и «Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов» (2005) А.Я. Гуревича посвящены проблеме судьбоносного выбора мужскими персонажами; в статье Ю.Н. Бучилиной «Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции» (2008) рассматривается типология женских персонажей и их предназначение. Единого труда, посвященного изучению системы персонажей сквозь призму идеи судьбы в «Песни о Нибелунгах» в современном нибелунговедении, не существует. В то же время гибель Нибелунгов есть не что иное, как свершение воли судьбы. Кроме того, масштаб трагизма «Песни», привлекавший слушателя Средневековья, не оставляет равнодушным и современного читателя. Проблемы жизни и смерти, счастья и горя, судьбы и свободы волеизъявления испокон веков волновали человечество и являются актуальными и сегодня.

Основная часть. Сюжет героического эпоса восходит к далекому прошлому, в центре которого находится эпический герой, который, как правило, чудесным образом появляется на свет, обладает необычайной силой, наделен некой (часто тайной) способностью, в бою побеждает чудовищ и великанов, в испытаниях «добывает» невесту и героически погибает. Непосредственный интерес аудитории вызывает гибель героя. Она пугает и одновременно захватывает. Чем масштабнее трагизм эпоса, тем больший успех ему гарантирован. Это в полной мере относится и к «Песни о Нибелунгах» (начало XIII в.), которая в течение еще нескольких веков после своего создания пользовалась невероятной популярностью, будучи увлекательной в многочисленных рукописях.

Центральное событие «Песни о Нибелунгах» – гибель Зигфрида – влечет за собой смерть бургундских королей, их вассалов и Кримхильды. Предательское убийство Зигфрида вызывает у публики негодование, граничащее с восторгом и чувством исполненного предназначения. Автор, постепенно вводя в эпос новые персонажи, раскрывает их основное предназначение. Зигфрид выражает притязания на главенствующую роль, Гунтер проявляет себя как пассивный правитель, ему на помощь приходит верный вассал Хаген с его политическим хитроумием и коварством, Кримхильда отказывается от любви, превращаясь в мстительницу, а неприступная дева Брюнхильда несчастлива в подчинении более слабого супруга.

Из начальных авантур эпоса мы узнаем, что супругом Кримхильды желает стать отважный Зигфрид Нидерландский. В первых сценах произведения это юный рыцарь, благородный и доблестный: *Усердно воспитали / его, как подобало, // И от природы было / в нем доблестей немало. // За то потом отцовской / земли красой он стал, // И находили люди, / что всем то витязь добрый взял* (23,1–4) [7, с. 144]. Желая жениться на прекрасной Кримхильде, он отправляется в Бургундию. Появление Зигфрида при бургундском дворе дает возможность взглянуть на него в ином свете. Здесь он лихой боец, смело заявляющий королю Гунтеру о своих желаниях: *«Коль вправду вы так смелы, / как я слышал не раз, // То, любо ль вам иль нету, / жалеть не стану вас: // Да, знайте, что намерен / я все у вас отнять: // Страну и бурги ваши / должны вы мне во власть отдать»* (110,1–4) [7, с. 154]. Заявление Зигфрида зву-

чит так, словно не женитьба на Кримхильде, а притязания на власть и привели его в Бургундию. Сказанные в пылу слова станут для него впоследствии судьбоносными. Выразив желание подчинить бургундские земли, Зигфрид претендует на главенство и обрекает себя тем самым на гибель.

Бургундский король Гунтер предлагает дружбу воинственно настроенному Зигфриду: «*Что только есть у нас, // Лишь честью попросите, / готово все для вас. // Тогда за вас готовы / мы даже кровь пролить*» (127,1–3) [7, с. 156]. Гунтер изначально не желает вступать в бой, проявляя себя миролюбивым и великодушным правителем: «*Вишь, словно в бой готовясь / ступить, стоит он там, // И витязи все, будто / начать желают сечу. // Да, вижу: нам придется / идти бойцу лихому встречу*» (102,2–4) [7, с. 153]. Однако по мере развития сюжета Гунтер утрачивает эти черты. Вначале это храбрый воин, готовый принимать ответственные решения даже ценою собственной жизни. Так, накануне сватовства к Брюнхильде он заявляет: «*...тянет / вниз на море меня // К Брюнхильде; будь, что будет, / хоть пусть погибну я, // Я для любви к пригожей / хочу рискнуть собой: // Иль сгину там, иль станет / тогда она моей женой*» (329,1–4) [7, с. 179]. Он не испытывает страха перед смертью, ставя на кон собственную жизнь. Вместе с тем король соглашается на помощь Зигфрида в сложных испытаниях, выдвинутых Брюнхильдой. Такой совет он получает от Хагена: «*Уж если так, промолвил / тут Гаген: «то весь след // Вам пригласить Зигфрида / с собой (то – мой совет); // Он в этом трудном деле / помочь сумеет вам: // Насчет Брюнхильды знает / он все, что делается там»*» (331,1–4) [7, с. 179].

В эпосе дважды реализуется распространенный в средневековой литературе мотив – любовь издалека. Это, во-первых, Зигфрид, до которого дошла молва о красоте Кримхильды и который в своем желании увидеть девушку отправляется в Вормс, и, во-вторых, Гунтер, также полубивший Брюнхильду по рассказам. Его даже не удерживает «дурная слава», которая идет об исландской деве. Но если Зигфрид завоевывает Кримхильду благодаря собственной силе и отваге, то Гунтер, испытывающий страх перед Брюнхильдой, должен для победы над ней прибегать к помощи извне. Слова Зигфрида: «*Стой перед ней без страха, / не бойся за твои ты силы*» (453,4) [7, с. 193], – как нельзя лучше передают состояние бургундского короля. Гунтер рад появлению Зигфрида и, не думая о последствиях обмана, принимает помощь: «*Мне щит отдай свой, Гунтер: / владеть я буду им, // Внимательнее будь ты / теперь к словам моим: // Ты делай все для виду, / впрямь биться мне позволь*». – // *Узнал Зигфрида Гунтер: / был то-то рад ему король*» (454,1–4) [там же]. Бургундский правитель, обманом добывший в жены Брюнхильду, не в силах с ней справиться в брачную ночь. На этот случай у него есть Зигфрид: «*Лишь ей не наслаждайся, / сказал король ему // «Моей супругой милой, / а то я рад тому; // Что хочешь, делай с нею, / ну хоть убей, а я // Стерпеть все должен: больно / страшит меня жена моя»*» (655,1–2) [7, с. 217]. Страх, испытываемый Гунтером перед девой-воительницей, превращает его в слабого и безвольного, но желание правителя иметь все, не позволяет признать собственную слабость и отступить. Зигфрид, соглашаясь помочь Гунтеру, проявляет дружелюбие и участие. Он, словно вспомнив о Кримхильде, умиряет свою спесь и готов выдать себя за вассала, чтобы заполучить Кримхильду взамен на услугу Гунтеру. Он принимает правила бургундского двора. Помимо того, что он добывает невесту для бургундского правителя, он побеждает датчан и саксов, угрожающих королевству.

Все происходящее доподлинно известно Хагену, верному вассалу бургундского короля. Он видит в Зигфриде угрозу. Поначалу сдержанный и хладнокровный, Хаген превращается в хитрого и коварного советчика Гунтера. В его мыслях зарождается предательский план убийства. Хаген решителен в стремлении устранить Зигфрида, он не хочет допустить его превосходства: «*...лишь Гаген королю, // Бойцу лихому, песню / всечасно нел свою, // Что, если-б Зигфрид умер, / то королевств не мало // Ему-б досталось*» (870,1–4) [7, с. 243]. Обман Брюнхильды становится для Хагена поводом к действию, а ссора королей – прикрытием. Несмотря на то, что зачинщицей спора была Кримхильда, его гнев направлен не на женщину, а на ее супруга. Верный вассал Гунтера помнит о былых притязаниях Зигфрида на власть и желает устранить его с пути. Свои истинные намерения он скрывает за словами: «*Он за Брюнхильды слезы / оплатится ужасно: // От Гагена ждать должен / он ныне всяких бед всечасно*» (873,3–4) [там же].

После убийства Зигфрида Хаген говорит: «*И впрямь вам горя нет // Ведь, мы теперь свободны / от всех забот и бед. // Таких уже немного, / которые бы были // Противостать нам в силу, / уж благо с ним мы порешили*» (993,1–4) [7, с. 259]. Так свершилось предательство, которого Зигфрид не мог ожидать: «*Знай я, что вы убийство / способны совершить, // Принять бы мог я меры / и тем спасти себя!*» (994,2–3) [там же] – умирая, говорит он. В предсмертный час Зигфрид уже не может ничего изменить. Причина его убийства кроется не в обмане Брюнхильды, а в его притязаниях на власть, которые он высказал, впервые прибыв к бургундскому двору. По справедливому мнению А.Я. Гуревича, «не покорное следование велению слепого рока, но выбор собственной линии поведения, решение, чреватое самыми трагическими результатами, ведет к формированию судьбы – той цепи событий, которые являются результатом этого решения» [3, с. 20].

Хаген тоже не боится судьбы. Он смело принимает судьбоносные решения. Именно он соглашается на роковую поездку к гуннам. Его не останавливает ни сон Уты, матери бургундских королей, ни

предсказания вещих жен. Уте он отвечает: «*Кто прибегает к снам // И слушается, значит, / не понимает сам // Того вполне, как надо, / что честь ему велит. // Так пусть-же господин мой / к двору за отпуском спешит*» (1510,1–4) [7, с. 323]. Для вещих жен у него имеется другое оправдание: «*Нет, было-б не под силу / мне господам моим // Сказать, что мол у гуннов / всем смерть нам суждена*» (1543,2–3) [7, с. 328]. Если бы Хаген предупредил своих господ о нависшей угрозе смерти, он признал бы собственную слабость. Слова князя Гизельхера, задевшие честь вассала, не позволяют ему отступить: «*Коль за собой // Вину вы сознаете, / любезный Гаген мой, // То вам остаться надо / и укрываться тут, // А смелые пусть с нами / туда к моей сестре идут*» (1463,1–4) [7, с. 317]. Однако Хаген отбрасывает сомнения и больше не страшится судьбы. Его решение становится судьбоносным для него самого, для Гунтера и всех бургундов.

Вкладывая в уста героев рассуждения о жизни и смерти, о снах и других знаках судьбы, автор предвосхищает дальнейшее развитие событий. Он ведет своих героев в направлении свершения предначертанной судьбой. Неотступное следование линии судьбы, избежать которой невозможно, да и не нужно, – эффективный способ воздействовать на слушателя, ведь мировоззрение средневекового человека во многом зависело от языческих верований, согласно которым предназначение великого героя – достойно умереть в бою. Таким образом, одной из типичных черт эпоса является трагическая развязка с упоминанием предзнаменований. М.И. Стеблин-Каменский отмечает, что «сущность героического сказания – горе и гибель» [8, с. 55]. Следовательно, автор «Песни о Нибелунгах», наполнив свое творение горестными событиями, указывающими на них знаками и глубоко трагическим финалом, не пытался сгустить краски, а действовал в рамках традиции, сложившейся в средние века.

Согласно классификации Ю.Н. Бучилиной, для женских персонажей характерны ипостаси хранительницы рода, девы-воительницы и героини-мстительницы [9, с. 299–303]. Кримхильда мечется между образом мстительницы и воительницы. Брюнхильда претендует на роль хранительницы рода и является воительницей. Ута как хранительница рода и обладательница дара видеть вещие сны пытается оградить своих детей от бед и горестей. Она наставляет Кримхильду не отречься от любви: «*...знай, быть тебе женой, // Уж если Богом послан / тебе твой витязь удалой*» (16,3–4) [7, с. 143] и предупреждает сыновей о грядущей опасности: «*Вы, витязи лихие, / остаться-б лучше вам: // Ночесь сон нехороший / и страшный снился мне, // Что будто-бы все птаство / повымерло в моей стране*» (1509,1–4) [7, с. 323]. Ута наделена мудростью и тайным знанием, но в отличие от других персонажей «Песни о Нибелунгах» автор отводит ей статичную роль, лишённую активных действий.

Даром провидения обладает и Кримхильда, но в силу своей молодости королева не способна понять смысл своих снов. Когда Кримхильда впервые видит вещий сон, мать объясняет его значение: «*Твой сокол – знатный витязь; / пусть Бог его хранит: // Из рук твоих твой сокол / на веки скоро улетит!*» (14,3–4) [7, с. 143]. В роли «знатного витязя» выступает Зигфрид, слава о котором далеко распространилась. Обращение матери к Божьей помощи («*пусть Бог его хранит*») указывает на веру средневекового человека в неизбежность судьбы, которая находится в руках Бога. Ута предчувствует гибель Зигфрида, ее слова «*из рук твоих твой сокол / на веки скоро улетит!*» подразумевают не разлуку, связанную, быть может, с рыцарскими приключениями, а именно смерть героя. Примечательно отсутствие в тексте всяких толкований по поводу «двух орлов, заклевавших сокола». Можно предположить, что Ута знает нечто об убийцах Зигфрида, но не смеет и не хочет сказать Кримхильде о причастности Гунтера и Хагена. Кримхильда принимает решение не выходить замуж и пытается тем самым уклониться от уготованной судьбы: «*Без рыцарской любви / на век останусь я. // Уж в девушках мне лучше / до самой смерти быть, // Чем лишних бед и горя / чрез ту любовь себе нажить*» (15,2–4) [7, с. 143]. В понимании Кримхильды, любовь зла, и это определяет ее судьбу. Тогда ее предназначение – отказаться от такой судьбы. Прячась от глаз женихов в своих покоях, Кримхильда не просто бежит от несчастливой любви, которая принесет «беды» и «горе», она пытается одновременно уклониться от роли, уготованной женщине средневековым обществом: послушание и подчинение мужчине. Действия Кримхильды вызывают череду событий, которые приобретают форму свершений [10, с. 66].

Накануне гибели мужа Кримхильда снова видит сны, в которых распознает «дурной знак», и пытается остановить Зигфрида: «*Ночесь мне сон приснился / плохой: два кабана // Гнались за вами следом / по полю, в тот-же миг // Цветы вдруг покраснели...*» (921,2–4) [7, с. 249] и позже: «*Ночесь мне худо снилось: / вишь, будто на тебя // Вдруг две горы упали, / ты скрылся навсегда*» (924,2–3) [там же]. Она отчетливо видит Хагена и Гунтера, которые словно «два кабана гнались» за Зигфридом и словно «две горы упали» на ее любимого. В ссоре королев Кримхильда ведет себя решительно, пытается защитить мужа, его и свою честь любыми способами, не стесняясь предъявить соответствующие «доказательства»: перстень и пояс. Но, отправляя Зигфрида на охоту, она нерешительна и робка: *Тут вспомнила Кримхильда / (не смея вслух сказать), // Что Гагену сболтнула, / и стала горевать // Зигфридова супруга, / что на свет родилась. // От горя королева / слезами горько залилась* (920,1–4) [7, с. 248]. Кримхильда не в со-

стоянии повлиять на последующий ход событий. Последним обращением к тайному знанию становится так называемое «испытание у гроба» (*Bahrprobe*¹), позволяющее безошибочно определить убийцу [11, S. 165]. Когда при приближении Хагена к телу убиенного Зигфрида из ран последнего начинает сочиться кровь, с глаз Кримхильды спадает пелена, и она сыплет проклятиями. Не в силах изменить свершившееся, она выбирает мщение.

Роль Кримхильды, согласно типологии Ю.Н. Бучилиной, – героиня-мстительница. Череда свершений, настигших Кримхильду после смерти любимого, служит подтверждением слов, произнесенных еще в юном возрасте. Лишившись Зигфрида, она «осталась без рыцарской любви <...> до самой смерти», поскольку брак с Этцелем был по расчету, на который женщина пошла, подчинившись обстоятельствам: *И в ранний час, и в поздний / все думала она // О том, что без причины / была принуждена // Язычника-супруга / любить теперь. А кто? // Все Гаген, ведь да Гунтер / ей горе причинили то* (1395,1–4) [7, с. 309]. Кримхильда погибает, так и не полюбив снова, «до самой смерти» она преданна Зигфриду, что принесло ей много «лишних бед и горя», которых она так боялась «нажить себе» еще в юности. «Беда» и «горе» – неотъемлемые спутники Кримхильды. Лишенная женского счастья, она постепенно теряет мягкость, женственность, в ней засыпает даже материнский инстинкт. Кримхильда превращается в воительницу, в дьяволицу, жаждущую мщения.

Исландская правительница Брюнхильда имеет другое предназначение. Далеко шла слава о ней как о деве-воительнице: *Такой нигде не знали, / чтоб ей была равна; // Красой она безмерной / и силой обладала* (326,2–3) [7, с. 179]. В Изенштейне решаются судьбы многих женихов. Замок, словно ледяная глыба, беспощадно лишает жизни храбрых воинов, не сумевших одолеть Брюнхильду в состязаниях. Известно и Гунтеру о неминуемой смерти в случае своего поражения, однако, он не отказывается от опасного приключения: *Сказал король тут Гунтер: / «извольте-ж выбрать сами // Те игры, королева! / я, в чем угодно, с вами // Померяться желаю: / из-за красы такой / Иль сгбну, иль мою / вы станете тогда женой»* (427,1–4) [7, с. 190]. Брюнхильда, обладая недюжинной физической силой, способна в одиночку противостоять вторжению недостойного на ее территорию. Подобно Кримхильде, исландская дева пытается утвердить свою независимость в мире мужчин, уклоняясь от замужества. Но, если Кримхильда делает это на ментальном уровне, то Брюнхильда выбирает физическое противостояние. Она выдвигает перед женихами, претендующими на роль супруга, одно-единственное, но трудновыполнимое условие – одержать победу в состязаниях с девой-воительницей: *Любви кто добивался / ея, был должен он // В трех состязаньях трудных / над ней верх одержать // А дал в одном хоть промах, / был должен голову терять* (327,2–4) [7, с. 179]. Невероятная физическая сила Брюнхильды делает победу мужчин фактически невозможной, однако не может защитить от обмана и хитрости.

Брюнхильда лишена пророческих снов и не может предвидеть обман. В то же время она воительница, привыкшая принимать серьезные решения, руководствуясь собственным чутьем. Она предчувствует неладное при виде Гунтера в сопровождении Зигфрида в качестве вассала, но от условий сватовства не отказывается: *«Коль он король», сказала / она: «а ты вассал, // Игру я предлагаю, / Чтоб он мне показал // Себя: коль победит он, / мне быть его женой; // Но сгбнуть вам придется, / когда в игре верх будет мой»* (423,1–4) [7, с. 189]. Сватовство Гунтера становится для Брюнхильды событием, кардинально изменившим ее судьбу: *Сказала: «рыцарь знатный, / оставьте все сейчас! // Тому не быть со мною, / что на уме у вас: // То знайте, что до тех пор / останусь девой я, // Пока все знать не буду». / Взял то то гнев тут короля* (635,1–4) [7, с. 214]. Возможно, поэтому свою первую брачную ночь она проводит в одиночестве: *О нем печалась мало, / спала она спокойно; // Всю ночь до бела утра / висел боец достойный* (639,1–2) [7, с. 215]. Поселившиеся в сердце сомнения не дают ей покоя. Именно поэтому она так легко верит оскорбительным словам Кримхильды: *как может стать короля женой // Та, что была в любви / с своим же подданным, с слугой*² (839,4) [7, с. 239]. Обращение к ней как к супруге ленника задевает Брюнхильду и приводит к раздору, поскольку речь идет о княжеско-вассальных отношениях [14, S. 198]. Ссора королев – пример демонстрирования женщинами своего социального положения, случай, когда они выходят за рамки ипостасей воительницы, мстительницы и хранительницы рода. В стремлении превзойти друг друга они вновь пытаются высвободиться от влияния мужчин, от навязанной обществом роли. В этом стремлении Кримхильда превращается из робкой и любящей жены в беспощадную мстительницу, называемую «дьяволицей» (*vålandinne*). Так говорит о ней Дитрих Бернский: *«Да, ничего, чертовка, / тебе за то не взять с меня»* (1748,4) [7, с. 353], а позже и Хаген: *«Чертовка! да, на веки / тот клад упрятан от тебя!»* (2371,4) [7, с. 436]. Брюнхильда, напротив, обладая силой девы-

¹ *Bahrprobe* – мотив «божьего суда», используемый для установления убийцы, при приближении которого к трупку убитого раны последнего начинали кровоточить.

² *wie möhte mannes kebse / werden immer küniges wîp* (839,4) [12, S. 256] (причем «kebse» означает в переводе со средневерхнемецкого *kebsweib, konkubinät* (нем. *die Kebse, die Konkubine*) «любовница, наложница, сожительница» [13, S. 105]).

воительницы, которая в начальных авантюрах называется «дьявола женой», становится беззащитной королевой, терпящей оскорбления Кримхильды. «*Эх, горе!*» вскрикнул Гаген: / «*в кого король влюблен? // Да, только дьявол адский / быть может с нею обручен!*» (450,4–451,1) [7, с. 193]. Гунтер, ощутив на себе в полной мере гнев Брюнхильды, в сердцах говорит Зигфриду: «*я срам один обрел; // Знать, дьявола лихого / я в дом свой ныне ввел*» (649,1–2) [7, с. 216].

Так, женские персонажи в стремлении изменить собственную судьбу изменяют собственное естество, дарованное им Богом. Вместе с тем автор «Песни» дает понять, что перед судьбой все равны, и избежать ее невозможно. Женщины, обладая даром провидения, пытаются освободиться от предначертанной судьбой. Мужские персонажи идут судьбе навстречу, принимая ее как свое предназначение. Судьбоносные предуказания – отличительная черта эпоса. Трагический исход постигает как женских, так и мужских персонажей. В уста Хагена автор вкладывает основную мысль эпоса: *И, обратясь к Кримхильде, / ей витязь так сказал: // К концу все привела ты, / потешила себя; // Вполне все так и вышло, / как про себя задумал я* (2370,1–4) [7, с. 436]. И далее Хаген поясняет: «*Король бургундов знатный / теперь сгиб в свой черед, // убиты Гизельхер юный, / и господин Гернот: // Про клад никто не знает, / лишь знают Бог да я*» (2371,1–3) [там же]. Словами «*как про себя задумал я*» автор подчеркивает не только политическое хитроумие Хагена, он указывает на предвидение Хагеном судьбы Нибелунгов. Упоминание имени Господа Бога служит подтверждением веры средневекового человека в волю Всевышнего. Пред перстом судьбы нет исключений: Кримхильда обречена на жизнь без любви, Зигфриду суждено умереть от предательского удара, а Хаген должен с честью принять гибель бургундского войска, разделив общую участь. Словно резюмируя все вышесказанное, автор «Песни о Нибелунгах» пишет: *И вот, теперь все пали, / кому уж рок судил* (2377,1) [7, с. 437]. Трагический финал Нибелунгов, которые «*все пали*», предсказанный автором «Песни» в начальных авантюрах, служит подтверждением неизбежности судьбы, «*рока*». Жизненный путь эпического героя, его предназначение сводится к исполнению воли судьбы.

Заключение. Согласно средневековому мировоззрению избежать судьбы невозможно. Судьба находится в руках Бога, и предназначение человека сводится к исполнению воли судьбы. «Песнь о Нибелунгах» как образец средневекового эпоса не является исключением. Эпические персонажи «Песни» переживают судьбоносные события, изменяясь (иногда кардинальным образом) в попытке повлиять на судьбу. Например, сдержанный и рассудительный Гунтер превращается в слабого и корыстного правителя, который привык к советам Хагена и помощи Зигфрида. Кримхильда, в свою очередь, не в силах принять убийство мужа, выбирает мщение, постепенно превращаясь в дьяволицу. Для Зигфрида, Хагена, Кримхильды и Брюнхильды сказанное однажды становится судьбоносным и приобретает форму свершений. Не в силах изменить судьбу мужские персонажи эпоса принимают ее волю, чтобы не признать собственной слабости. Они бросают ей вызов, стремясь наилучшим образом исполнить собственное предназначение. Женские персонажи «Песни о Нибелунгах» представлены в ипостасях хранительницы рода, девы-воительницы и героини-мстительницы. Они обладают даром предвидения или интуитивного предугадывания дальнейших событий и пытаются освободиться от своего предназначения, во многом обусловленного средневековым обществом. Все эпические персонажи обречены на гибель, это их жребий, который изменить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью / С.С. Аверинцев // Из истории культуры средних веков и Возрождения / отв. ред. В. А. Карпушин. – М. : Наука, 1976. – С. 17–64.
2. Ганина, Н. А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа / Н. А. Ганина // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. – М. : Индрик, 2005. – С. 212–227.
3. Гуревич, А. Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / А. Я. Гуревич // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. – М. : Индрик, 2005. – С. 12–22.
4. Красилов, В. И. Смыслы и идеи судьбы / В. И. Красилов // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – Вып. 4(5). – С. 68–79.
5. Михайлова, Т. А. Витязь на распутье в пространстве и во времени: к проблеме выбора судьбы / Т. А. Михайлова // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1994. – С. 168–173.
6. Топорова, Т. В. Древнегерманские представления о судьбе / Т. В. Топорова // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1994. – С. 162–167.
7. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М. И. Кудряшев. – СПб. : Типография Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
8. Стеблин-Каменский, М. И. Древнескандинавская литература / М. И. Стеблин-Каменский. – М. : Наука, 1979. – 192 с.
9. Бучилина, Ю. Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции / Ю. Н. Бучилина // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 5. – С. 299–303.

10. Эпштейн, М. Поступок и происшествие. К теории судьбы / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 65–77.
11. Müller, J.-D. Das Nibelungenlied / J.-D. Müller. – 3. Aufl. – Berlin Erich Schmidt Verlag, 2009. – 199 S.
12. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. – Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1997, 2003. – 1045 S.
13. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – 33. Aufl. – Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1969. – 410 S.
14. Beyschlag, S. Das Motiv der Macht bei Siegfrieds Tod / S. Beyschlag // Zur germanisch-deutschen Heldensage. – 1965. – Bd. XIV. – S. 195–213.

Поступила 16.01.2016

THE SYSTEM OF THE EPIC CHARACTERS IN THE “NIBELUNGENLIED” THROUGH A PRISM OF IDEA OF FATE

E. LUSHNEVSKAYA

In the article the “Nibelungenlied” and its epic characters through a prism of idea of fate are considered. The attitude to the fate of male and female characters in the “Nibelungenlied” such as Siegfried, Gunther, Hagen, Kriemhild, Brynhild and Uta is analyzed. Epic heroes are going through momentous events. However the attitude to the fate of male and female characters is different. The characters of the “Nibelungenlied” have to change themselves in an effort to resist the fate. But the heroes cannot change the fate. The heroes of the “Nibelungenlied” are destined to die. It should be noted that they know about the impending tragedy. Thus, the destiny of the epic hero is to fulfill the will of fate.

Keywords: “Nibelungenlied”, system of epic characters, idea of fate, medieval society, destiny, momentous events, hero's death.